

A dramatic sunset over a rural landscape. The sky is filled with dark, heavy clouds, with a bright orange and red glow from the setting sun breaking through. Below the horizon, a line of dark trees is visible. In the foreground, a dirt road curves through a field of tall grass. A large, weathered wooden wheel is positioned in the bottom right corner.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ

МАТУШКА

Матушка Алефтина

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ:

Жизнь бывает разная – как дорога: неровная, грязная, где-то есть колея, а где-то нет. Человек, рассказавший свою историю жизни, даже какую-то часть жизни, скорее всего выбрал самое главное, что особенно врезалось в память. И из этой памяти уже не вытащить то, что было, и от этого никуда не денешься.

Мы предлагаем посмотреть дорогу, по которой прошла эта душа. Сказать что она это выбрала - будет не совсем правильно. На эту дорогу ее вывел Тот, Который сказал: «Я избрал для тебя путь, по которому тебе должно идти»

Матушка... почему матушка? Потому что делится своими чувствами, ошибками, которые привели ее к Небесному Отцу, не скрывает горестей и опасностей на пути ко Христу - так поступают близкие к нам люди и по-особенному добрые - «Матушки»

I

Я очень благодарна Богу, что Он нашел меня! Он нашел меня, я как поняла из родословия папочки моего родненького. И что я хочу сказать: Господь меня знал, но я Его не знала. Я Его не знала! До 40 лет не знала! И только узнала тогда, что родословие отцово... я видела отца во сне - и поняла, что родословие духовное от отца. И когда мне рассказали, что действительно идет родословие от отца... дальнейшее-дальнейшее-дальнейшее родословие... я тогда поняла! Вот тети были отцовы, отец, мой брат - ни на кого жребий не пал, только на меня вот жребий пал. Ну и я, конечно, благодарю за этот крест, что Бог избрал меня. Очень благодарю! Если б не Господь, конечно без Бога этот крест не пронесешь!

...И Господь дал мне в судьбу мужа. Я сразу обижалась за это. Я не понимала Бога, обижалась на Господа, что вот такой муж у меня, что так вот я живу и страдаю. Жизнь моя дождливой была! Но все равно не могла я удалиться от своего креста.

Я уже не помню сколько мне лет было, когда приехали к нам в деревню отец Нины Павловны, брат Павел, и Иван Ильич из села Краи... и приехали на работу... а тогда были гонения... Украины и Беларуси было гонение, и их послали к нам, в Россию... и когда они собрались, у них кто-то пророк... по-видимому, Иван Ильич был пророком, собрались, и поставили нужду пред Господом: «Господи, укажи нам: куда направиться на работу?» И им Бог сказал: «Россия». Они потом: «Ну, Россия, Россия... Господи, укажи место, в которое...» И им Бог говорит: «Тамбов». Ну и мы вот приехали в Тамбов, и нам из горисполкома подали лист и говорят: «Выбирайте: куда вас направить?» А потом раз - и опять: «Господи, а куда?... В какое

село?... Или как?...» И Господь нам говорит: «Виктория!» И потом Господь Ивану Ильичу говорит: «Ищи вдову Раю». Ну и все, мы приехали в Викторию... и эта вдова Рая живет... а там дома были у них деревянные такие, и вдруг пожар там случился. Так значит уже план Божий перешел: искать этих трех душ. И все берут дрова там, и все-все собирают, а ее Бог поставил, она была хоть и неверующая, а Бог поставил, и ни с места: все берут, а она не берет. И Иван Ильич заметил и говорит: «Женщина, все берут, а почему вы не берете? Вы что верующая?» Она говорит: «Да, верующая!» А фактически, какая она верующая была? А потом подошел к ней и говорит: «Ну а как семья ваша?» Она отвечает: «Я вдова!» Он спрашивает: «А как вас зовут?» Она отвечает: «Рая!» И точно по адресу Бог направил его к этой вдове. И дальше он спрашивает: «А можно нам прийти к вам побеседовать?» Она говорит: «Ой, конечно! Конечно! Конечно!» Ну и вот они там, три брата, которые приезжали, пришли, побеседовали... и вот там одна женщина, Аня, которая со мной рядом жила, ближе ко мне... и она приняла Христа... потом эта соседка Аня на второй день пришла и говорит: «Алефтина, там братья приехали. Ты не пойдешь?» А я вообще не понимала, что за братья. Я его не знаю, а вот почему-то хоть неверующая была, не знала ничего, а почему-то у меня действительно такой страх был: я предам людей. Зачем предавать людей? Я не сделаю! И я говорю: «Ань, я не могу». И потом все-таки время выбрала и пошла туда... пошла - и приняла Христа!

Ой, я не могу передать, у меня такая радость была! Я думала, что у меня и душа, и сердце начнут выскакивать от радости! Но я не могла понять этого, что такая вот у меня перемена во внутренности моей от радости! Ну и домой иду... сидит мой муж за столом, я мимо него прохожу, а он и говорит:

«Там братья к вам приехали». Фактически он вообще ничего не понимал, сатана через него действовал. И дальше говорит: «Бутылку вина купишь, тогда пойдем с тобой». Я думаю: «Нет, я не пойду». И вдруг, выбрала время, пошла - и приняла Христа. Ну, приняла Христа... И тут мне мысль пришла: «Я не буду жить с ним! Он - пьяница и блудник!» Откуда мне такие мысли, что «я не буду»? Откуда? Вообще я не понимала, что это от меня шло, и я сама удивлялась.

Еще было однажды... пришла я домой, а муж говорит мне: «Ты куда ушла из своего дома? Иди опять в свой дом!» Я раньше так боялась его, а это я, как лев, на него словами громкими стала говорить: «Нет, сатана, я больше к тебе не вернусь!» Теперь он мне говорит: «Но мужа своего с собой не бери». А я ему говорю: «И муж будет со мной! Тогда он мне говорит опять: «Но он пока в клещах моих!» Тогда я ему говорю: «Ой, слава Богу, что он только пока в клещах твоих!» Потом он мне говорит: «А нас здесь легион». Это ужасно: легион в муже. И я говорила не с мужем, а с сатаной. Когда мысль пришла: «Я жить не буду с ним, поеду в Пинск и узнаю, что мне Бог скажет». Просто я вообще не понимала, что сама говорила. А когда приехала сюда, через какого-то брата Господь пошел к народу, и подходит ко мне и говорит... назвал меня: «дочь Моя!». И говорит! «Дочь Моя, кого Я соединил, того не разъединю! Оба будете Богом спасены, а детей приноси на молитвы». И пошел... И все: я на этом остановилась...

А еще... это наяву: сижу я на диване, не помню, что делала, или читала... Дома никого не было, и вдруг слышу голос такой плачевный, такой жалобный, и говорит мне: «Вам-то будет прощение, а нам никогда». Я в ужасе: кто это? Никого нет, а голос слышу. И я поняла: слабый дух сатаны говорил.

...Потом устроилась я на работу в район, и за 8 км ездила... а работала медсестрой в больнице. Ну и вот я всю процедуру сделала, и помню: летом около больницы столик стоял, и всегда больные там сидели, а в этот раз, как я уже стала понимать, что Бог не допустил больных туда, потому что не было бы у меня беседы с человеком тогда. Ну, я все сделала, и вдруг подходит ко мне женщина и говорит: «Алефтина!» По отчеству даже не назвала, так - то больные меня называли по отчеству, а она так: «Алефтина, пойдём с тобой посидим за столиком». Я так прямо с какой-то радостью и говорю: «Хорошо, сейчас я подойду!» Ну и сели с ней, а больные, ни мужчины, ни женщины – никто не сел. Ну и сидим, и она начала говорить: «Шел Учитель, - раньше был Учитель, а потом Христос, - а ученики сзади шли... и жара была, и ученики говорят: «Может быть, зайдём в любой дом, и нам попить дадут воды?» Ну и в один дом постучали, открыла дева молодая, они попросили воды попить, а она им не дала. И дальше идут, Учитель опять впереди, а они сзади, и разговаривают между собой: «Как же так? Ладно, нас не напоила, но она не напоила нашего Учителя!» А Он, Бог, Он знает мысли человеческие, обернулся, и говорит: «Дети Мои, о чем вы размышляете?» А перед Богом мы не можем закрыть тайну, никто не может, обязательно душа откроет всю тайну! И говорят: «Да вот почему она нас не напоила? И Тебя не напоила! Ладно там нас...» А Учитель говорит: «Я ей все отдам на земле, она ни в чем не будет нуждаться». И все... идут... идут... И опять Учитель впереди, а ученики сзади, и опять беседуют, человек есть человек: «Как же так? Ну ладно нас не напоила, она и Его не напоила! Но почему Он все отдал на земле ей, и она ни в чем не будет нуждаться?» А потом опять шли, шли, и опять: «Пойдем, постучим... может, кто напоит нашего Учителя, и нас?» Подошли, стали стучать в дверь... открывает опять дева молодая,

они попросили, и она им дала напиться. Ну, шли дальше, и опять Учитель впереди, все вот сзади беседуют, и говорят: «Ну, вот она напоила Его и нас. А что ж теперь этой?» А Учитель опять обернулся: «Дети Мои, о чем вы размышляете?» Они отвечали: «А мы размышляем, Учитель: той деве Ты все отдал. А что ж Ты этой отдашь?» А Учитель открыл узелок небольшой и там, в этом узелке, лежит человек пьяный в грязи. И Учитель им говорит: «Я ей дам вот этого мужа. Она никогда от Меня не отойдет, она всегда будет со Мной! А той... Я ей буду не нужен». Ну и все, на этом у них закончился разговор. В общем, я поняла... потом я поняла, что это именно ко мне, потому что, если бы был бы у меня хороший муж, мне Бог бы был не нужен. Я и сама понимала, меня так хотели поднять выше, выше по наземной учености, и дальше. А вот что именно Господь сделал, что вот туда вниз, дал вот такого мужа, от которого только к Богу, только к Богу, только к Богу!

Ну и потом мы, я вот уже эту женщину послушалась, никуда уже не стала... стала нести крест, и вдруг вижу сон... я верю, что сны от Господа: стол и рамка, как вот иконы в православии, и рамка спускается через потолок, тыльной стороной. А муж сидит у меня за столом, и я около стола стою. И я так смотрю: спускается, спускается эта иконка, знаю, что это иконка... спускается тыльной стороной... и спустилась, на уровне стола завернулась... а там женщина, и мне говорит... а во сне вижу ступеньки прямо в небо: «Поднимайся, поднимайся! А что Господь для тебя приготовил! А мужа не огорчай!» Вот такой у меня сон был!

А потом мы с мужем как-то поехали к его родственникам, в Тульскую область под Москвой, я туда только в первый разехала... и идем, главное так Господь сделал, что ни людей, ни машин... вот идем вдвоем, идем - и вдруг идет на нас, а мы на

Него, такой высокий Человек. Я не понимала тех риз, я вообще не понимала... и говорю: «Ой, какая риза большая! Голубая, голубая риза!» И ноги все закрыты у этого Человека были. И идет на нас, я молчу, мужу ничего не говорю, и ровняется с нами, но мне ничего не говорит, а говорит мужу: «Я бы твою жену на руках носил!» И пошел, мне ничего не сказал. Я оглянулась, а Его уже нет, того Человека. Но я тогда еще не понимала, потом мне Бог открыл, а этого Человека я запомнила, и слова для мужа запомнила.

И вдруг, перед Пасхой... как всегда продают цветы, иконы и это все. Я вообще удивляюсь всему так! И вот продают цветы, а икон у меня очень много! Я иконы просто покупала, да больше ничего. И вдруг заходит ко мне женщина, становится около стола, и я около стола, и я ей говорю: «Скажите, пожалуйста, Кого еще у меня нет? Кого мне купить?» А она говорит: «У тебя нет только одного Христа!» Я говорю: «А Он продается?» Она отвечает: «Продается!»... я знала женщину, которая всегда продавала цветы и иконы, все прочее. И я бегом туда! Помню, три рубля было теми деньгами, подбегаю, и говорю: «Скажите, пожалуйста, у вас Христос продается?» Она отвечает: «Продается!» Говорю ей: «А сколько стоит?» Я прямо бросила ей три рубля, чтобы кто раньше не купил Христа. А потом я через минуточки две и говорю: «Женщина, я вам деньги дала, дайте мне икону Христа!» Она мне ее отдает, и я вот шла домой и смотрела на икону, но закрыто было, не понимала это лицо, не понимала. Пришла домой и положила на стол, и думаю: так это тот самый Человек, это Христос! Христос самый! А мой муж всегда на обед приходил, любил всегда лапшу, я ему всегда делала лапшу... налила ему... а никогда я его не спрашивала, а икону куплю - и повешу. А это говорю: «Вот, Коль, смотри какую я икону купила. Посмотри!» Он

посмотрел и говорит: «Мать, так это ж тот Человек, который встречался нам в Дубовке». Я говорю: - А что ты узнал?

- Да, узнал!

- Да как?

- Ну как понимай, это Христос!

- Ну и как же? На руках меня не надо носить, но хоть уважай как человека меня... не то что, как на руках меня носить...

Трудно говорить это все!

А муж всегда мне... ну такой крест! Я сразу как-то не обижалась, почему-то я не обижалась, мне просто было жалко детей. Просто жалко детей мне было. Однажды я заболела, и в больницу попала, по скорой меня быстренько забрали, оказали мне помощь, и доктор подходит и говорит: «Ну как женщина?» И называет по истории карточки. Я говорю: «Ой, сейчас мне так хорошо! Отпустите меня, пожалуйста, домой, а то у меня детки маленькие». А она мне говорит: «Вы побудьте хоть ночку, вы всю жизнь посвятили детям!» Когда она сказала, что я всю жизнь посвятила детям, знал только Господь и я, она мне как рану сделала, и у меня слезы полились, я отвернулась к стенке, она видит что так, и больше она мне не стала задавать вопросов. Но я поняла, что это тоже Ангел подошел, просто дал мне ответ, чтобы я действительно знала; я знала, что я жила только ради детей, всю свою жизнь я посвятила детям, но не себе. И действительно ко мне Господь подошел и сказал, чтобы я успокоилась, что я действительно переживала за детей, и воспитывала, жалела их. Ну и я потом... это все конечно не расскажешь, это очень история

большая! И вдруг меня... муж больной стал... сколько пил, сколько делал греховных дел... и вдруг я вижу сон: муж умирает, лежит в гробу, и я, как близкие этим людям, стою у гроба, а сзади женщины стоят и мне говорят: «Алефтина, вот теперь муж умер, и ты свободна замуж выходить!» А я им так твердо, я очень такая твердая была, и говорю: «А у меня уже есть Жених! Они говорят: «Кто?» Я отвечаю: «Христос!» Я сама даже удивлялась этим словам! Они вот из меня сами выходили: «У меня есть уже Жених. Христос!» Но так смело, что даже сейчас, наверное, так не скажешь!

Я поняла, что это уже душа рада, что она приняла Христа! Пусть скорби, пусть страдания... такие страдания подходили: однажды во сне вижу речку, а около речки дерево, и около дерева стоит человек... и я знала, это сатана! Я вижу: сатана большой, нагой до пояса, толстый такой, и говорит мне... а на дереве висит пальто... и говорит: «Ты прикоснись к этому пальто, и мы тебя возьмем!» И у меня во сне такой страх! Такой страх: «А дети?» Потому что у меня жизнь была такая тяжелая, что это невозможно жить вообще. Я с детства, как из чрева матери вышла, так и пошла душа моя в хождении по мукам, и до конца жизни была, пока он отошел в вечность муж. И у меня просто сразу во сне: а дети? А дети? И я поняла, как сатана даже во сне подходит уничтожить человека. Ну вот такое у меня во сне... ну все не перескажешь, конечно.

II

Мы с братом жили сиротками... от мамочки остались, даже и не ходили, и может, полгода не было нам... двойняшками мы остались... мамочка вперед умерла, а потом отца взяли в 1941 году, и отец погиб там. И как тяжело это хождение по мукам, это очень тяжело, и душа моя так истомилась, измучилась! И вдруг вижу я мать во сне... а в первый раз, в одну ночь я лежу на койке, и она около меня лежит, и так волосы перебирает, и я как поняла, утешает меня. А у нас еще была скотина тогда, и я все, что нужно, сделала и опять прилегла. И опять я вижу: второй раз во сне она мою голову положила на коленки, и опять она у меня в голове вот так вот копается, волосы перебирает - уже утешает. По матери я как - то не плакала, почему-то по матери я не плакала... а вот отца я... Иду в каком-то другом городе, а город незнакомый, иду и вдруг идет мужчина... и я как-то с ним... мы с ним, как бы, сравнялись... а в руках у меня ни письма - ничего у меня не было... и подхожу к нему, и вдруг: у меня в руках письмо, и говорю: «Скажите, пожалуйста, вам этот адрес знаком?» Он мне говорит: «Знаком, я знаю этот адрес». И я тогда говорю ему: «А у вас дети были?» Он говорит: «Были у меня дети». И я тогда ему, я не знаю, я не кричала, а я редела, и говорила: «Папуля, я твоя дочь Алефтина. Папуля!» О Боже, кто бы только знал! Я не кричала, я редела: «Я твоя дочь Алефтина!» Но он мне ничего не сказал, потому что мертвый человек. Что он может сказать? Но я очень рада, что я действительно увидела родителей! Вот 80 лет, а все равно так хочется, чтобы были родители. Ну что ты сделаешь? У всех своя судьба от Бога!

Я очень благодарю! Во-первых, я очень благодарю, что Бог нашел меня в моем родословии, и ведет, и хранит! Какие бы

скорби ни были, и смертельные были, но Господь меня хранил! Действительно, как Давид говорит: «Между мной и смертью один шаг». Так же и у меня это было, если все это рассказать - это вообще не передать!

Однажды, еще это расскажу, так тяжело было, я детей собрала своих, и поехала в город, потому что уже не выдержала, собралась и поехала. И стою около церкви, и подходит ко мне женщина и говорит: «Ой, как я вас долго искала!» Думаю: незнакомая женщина, не знаю ее. И вот она что-то говорила, я уже забыла, но основное, что я запомнила: «Вы знаете, вот когда вам скажут, что убьют вас, вы вот такие слова скажите: дело ваше, а воля Божья!» И я потом поняла, и с этими словами я опять к нему... Говорили: «Николай - человек, а Алефтина - дура!» По - всякому меня называли. Но, слава Господу, я все это перенесла, весь этот обзв, и все прочее унижение! Почему-то я все это переносила. Я поняла, что только с Богом можно перенести, а человек человека не перенесет!

Ну и приехала опять к нему, необязательно в этот день, я не помню в какой день... я сидела, третий ребеночек у меня был, грудью кормила... а двое первые бегали на улице... и вдруг он заходит домой, и вроде заходит трезвый, не совсем уж такой пьяный, как обычно, и говорит: «Почему мы с тобой плохо живем? Тебя люблю и детей люблю!» Потом я поняла, что это слова его были от души. А тут же сатана забирает его уста и говорит, берет его рукой, трясет его ухо, и так улыбнулся, как засмеялся: «А, ты хочешь моих денег увидеть! Ты моих денег не увидишь, как ушей своих! Ребенка я не трону, а тебя сейчас убью!» И идет ко мне, а что я могу сделать? Идет ко мне, я ребенка кормлю, а он впереди меня, вон какой высокий был, подходит ко мне и говорит: «Я

сейчас тебя убью!» А я говорю: «Ну что ж, дело твое, а воля Божья!» Ну, когда я сказала «воля Божья» – это вообще не передать: он размахнулся на весь размах руки, рукой как может человек размахнуться, и вот он не мог... тут уже Ангел поставил охрану. И говорит, ну я так не скажу, я не могу сказать, потому что такой силы у меня нет духа: «Вот и да, что воля Божья, а то давно бы я тебя убил!» И вот когда начал скрипеть зубами, я уже забыла, что он меня убивает, а я смотрю в его рот и думаю: интересно, такой скрип. Это страшный скрип, вся сила, а зубы как зубы. Такой скрип зубов был, что вообще не передать! И вот главные слова: «Да, что воля Божья, а то б давно я тебя убил!» И вот я так вкратце все это... всю глубину я вообще не могу, тяжело передать...

Еще как-то вижу сон, лежу я на койке, и вдруг слышу голос моего мужа. Я так испугалась. Как я поняла: он хотел войти в квартиру мою. И он там говорит: «Вот она даже и дверь закрыла на два замка!» Я поняла, что он хотел взять моих детей, а я так испугалась. Я повернулась, и вижу, что дети все около меня. А главное все, сколько их есть у меня!

Я только благодарю Господа, что Он нашел меня, хранил меня! В трудные минуты, я их все не перескажу, всегда Он был со мной. Хотя, я еще раз говорю: Он меня знал, я Его не знала. И за это я Его благодарю! Очень благодарю Господа! Тяжело говорить... Ну, вот такой путь!

III

...Уже духовное пошло! И, в общем, я приняла Господа, и вижу, как молятся иными языками, а я не понимала: старец, а иными языками молится. Ну, некоторые люди как-то сомневаются, как-то вообще отрицают, но я почему-то... мне до такой степени радость, что я бы слушала, и слушала, и слушала! И хотелось даже самой говорить, хотя сама даже ничего не знала и не понимала. И мне так этого хотелось! Но почему - то просила, просила, ну еще тогда в нашей местности не было таких людей, через которых... может, и сама еще к этому не готова была – не знаю. А всегда просила, сколько раз за меня молились в другой церкви - и все бесполезно.

И вдруг, мне пришлось поехать в Москву, у одной сестрички ночевала, и я говорю: «Вот, сестра Мария, так хочется, чтобы Господь мне тоже дал иные языки! Я не понимаю, а вот Он мне дал бы иные языки...» Она говорит: «Хорошо, я с пастором поговорю». И она поговорила, он ответил: «Хорошо!» Тогда у нас немножечко Дух Святой работал только в Москве. Она поговорила со Степаном, он отошел давно уже в вечность, я слышала. И там сосуды помолились, он подошел и сказал Марии: «Скажи ей, чтобы она на ночь не кушала». Ну и я исполнила. И сказали, во столько они приедут. Вот действительно, какие исполнительные есть верующие: сказал - и тут же исполнил «от» и «до», свои слова. Не бросил на ветер! А мы в это время собрались у них... мой сын, ему 16 лет было, и две сестрицы-старицы... Молились, молились, молились за меня, но ничего не получалось. А внутри думаю: Господи, ну как? Ну как? Ну как? Ну, я же верю! Я не отрицаю! Я радуюсь! Ну почему? Сама себе внутри... и вдруг, еще брат молодой был, и он имел дар вспоможения, и вот чуть-чуть

прикоснулся, и действительно, как я теперь уже понимаю - и «родился ребенок».

Ой, если бы знали: такая сила, что я не смотрела, хоть мне бы там и рот.... Но сила такая! Я так молилась, наверное, душа у меня... до такой степени жажда была, что уже больше сил в ней нет, готова прямо вообще молиться, молиться, молиться! Очень долго молилась, с силой молилась! Но только был «gut» у меня, но и этим я рада была! И потом вот прямо он чуть, чуть, чуть прикоснулся, и я хочу громче, а ничего не получается. Потом мы закончили... сел старец... молодой брат имел дар вспоможения, а у старца пророчество или что у него было, не помню. И этот старец говорит: «Сейчас было, - сестричкой меня назвал, мы как в нулевом классе или в первом, я не знаю, но не в высших же. Он сказал, что видение сейчас было: «Юноша подошел, забрал ленту, и бросил в пропасть ее». А второе видение: «Господь дал не Дар, а Дары». «Дары» - но а я же этого еще особо не понимала. И правда, начались действия Духа Святого через меня. Но там у нас нет таких наставников, чтобы подсказали. Все равно сосуду нужно, чтобы какой-то душепечитель был. Просто у нас вообще там не было. Господь сам, по-видимому, держал меня. И Господь так действовал через меня! И вдруг я поняла, что Господь мою веру укреплял, и чтобы я не отошла от Бога, чтобы вот в таком тяжелом кресте я не отошла от Бога.

И вдруг, из Сибири звонят мне: «Мама, у нас Женя, наверное, умирает! Его в больницу отправили, у него сердечные клапаны совсем закрываются. Ничего не помогает!» И я тогда говорю: «Сынок, до свидания! С Господом!» Потому что я уже поняла, что это Господь, и встала просто помолиться вкратце: «Господи, Ты

видишь моего внука... Ты видишь. Пойди туда, Господи!» - так вкратце, вкратце. И что делает Господь?! Я поняла, что это Он просто меня укрепляет! И потом они то ли телеграмму, то ли письмом, то ли они приехали, не помню, и я говорю: «Ну как Женя ваш?» А так вот дивно Бог сделал, вот именно в это время, когда я пошла молиться, в это время Бог мгновенно туда пошел, и сердце его сделал совсем новым. И рассказали, что пришли к мальчику в больницу, а доктор вызывает, и говорит: «Родители, зайдите ко мне в кабинет!» А они уже подумали: все, наш Женя умер. Ну, сели... А врач им задает вопрос: «Скажите, пожалуйста, что вы приносили, какое лекарство своему ребенку, что он у вас нормальный?» Они говорят: «Да нет, никакого...» Он опять: «Нет! Скажите правду!» Ну, потом я уже говорю: «Дети, дети! Почему вы не засвидетельствовали о Боге живом? Вы представьте это время! И именно в это время, когда я молилась, ребенка Бог исцелил!» Просто меня укреплял Господь! И до сих пор этот ребенок, уже трое или четверо у него деток. «И вот и плохо, что вы не засвидетельствовали о Боге живом! А этот доктор, может, нуждался в этом! Это плохо, что вы не засвидетельствовали».

И второй сын, в Москве, Володя, он отошел в вечность... с его сыном тоже... маленький ребеночек и у него, как я поняла, припадки - значит духи в нем: пена изо рта, и руки прямо в сердце, и ноги в сердце... Просто вообще удивительно. А этот сын уже тоже знал, что мать верующая. В Сибири он со мной как-то не очень общался, редко ездил, а это все-таки понял. И отправили они ребеночка в больницу, и то и дело звонит: «Оксана, как там Толик? Как там Толик?» А она говорит: «Володя, я не могу выдерживать. Я уже больше не могу!» Тогда он мне звонит, казалось бы, были уже телефоны, а у нас не было тогда телефона... звонит соседке, и она говорит мне: «Алефтина, тебе Володя звонит!» Я подхожу,

беру трубку, а он слезами заливается, и я говорю: «Сынок, Володя, чего ты плачешь? Что случилось?» Он говорит: «Мама, мамульчик, там с Толиком плохо. Толик умирает! То и то...» Я говорю: «Все, Володя! Иди... и я пошла...» Я пришла домой и также опять Господу Богу отдала. А сын тоже на колени склонился, посмотрел на время, и он уже потом говорит: «Мама, я понял, что ты пошла молиться! Я глянул на время и тоже склонился!» И после этого, ой, какой дивный Господь! Нам такую глубину вообще!... Только будешь радоваться, и славить Господа! И он мне звонит, опять меня соседка подзывает: «Алефтина, тебе Володя опять звонит!» Я подхожу, беру трубку, и слышу: «Мама!» Я говорю: «Что, сынок?» Он говорит: «Мама, ты знаешь, я знаю, что ты пошла молиться... и я склонился на колени, и глянул на время... и в это время позвонила Оксана. Я спросил: как Толик? И она мне говорит: Володя!» - ну просто ведь как это время, мне не вкладывается, вот в такое время с ним припадки прекратились, - и он руки, как обычный... и ноги... и пены не стало... Но то, что уже облегчение - и все. Но доктор, как сказал, что нужно какой-то курс по медицине пройти. И вот до сих пор, вот недавно он женился, этот мальчик. Вот что Господь делает! Это так вкратце. Что Господь делает! «Удивляться будем» – мы поем. Я вот не понимаю, как вот, какие-то секунды: я только молюсь - а там уже Бог! А там уже Бог! Уже пошел! И уже все: прекратил этим духам, повелел выйти... и тому сердце новое дал, поменял. И я вот думаю: «Какие же вы есть! Почему не сказали, что «наша мама верующая! Так и так?» Может быть, и доктор был бы верующим!

А так много, много, много... все не перескажешь... я только благодарю Бога! Благодарю, что Он меня нашел, недостойную, из моего родословия, нашел мою душу... ни сестер отца, которые были, я смотрю никто из них... никто...

И вот когда бабушка, мать отца умерла... она же нас воспитывала, а мне был 21 или 22 года... и она лежит в гробу, а эти тети, сестры отца, они не плакали, они не подходили, а я как взяла, как начала трясти ее, да с причитанием! Я даже не знаю, откуда, как старые люди причитают, и у меня, молодой девчонки, я причитала, трясла ее, трясла, и думаю: а как такое, сама удивляюсь, с причитанием. Действительно, она нас не бросала, она нас в детский дом не отдала, она с нами все таки мучилась, с двумя маленькими детьми... трудные годы: голод, война, но она нас все таки не бросила. Я очень благодарна за бабушку! И поэтому душа моя так рыдала, так трясла ее!

Очень благодарю Господа за все, за все, за все! За все очень благодарю! Не достойная душа, но я Его благодарю! Благодарю Господа!

IV

Такая глубина – вообще не передать! Еще немножечко! Всю жизнь, за 80 лет, не перескажешь, конечно. Но такой значит путь! Я только удивлялась, даже когда уже познала Господа: «Господи, ну почему? Я сирота, с братом маленькие остались...и Ты мне дал такого мужа!» - как вот я рассказывала: «в болоте такого мужа»...

И потом все-таки мать, как она прямо нам сказала, прямо мне сказала: «Как вы жили насмех - так и будете жить насмех!» Я говорю: «Мама, ну ладно я тебе сноха там, но он тебе!» - «Как жили на смех - так и будете жить насмех». А тогда, в то время, я не помню, за Тамбовом женщина жила, в лесу ее нашли ребеночком, у нее глаза открыты, белым налетом покрыты. А мне тетя, одна сестра, она уже в вечность дошла, говорила: «Племянница, как мне тебя жалко! Ну, съезди к той женщине, может Бог вам что-то поможет!» Я уж и не знала что делать, а куда ж сирота? Кому я нужна? Никому абсолютно не нужна! И я быстро приехала, а там очередь, в больнице такой очереди нет, к доктору, как к ней. И сидим на улице: впереди две женщины, а я за ними. Откуда у меня такие слова, я не понимала тогда, что это колдуны, чародеи, сатана. А я им и говорю: «Вы знаете, женщины, а она колдунов и чародеев не принимает!» Я даже сама удивилась, откуда у меня такие слова. Ну и все, ну сказала - и сказала. И как выскочило у меня из уст, я сама даже не понимала, как это выскочило, будто не я. И вдруг, когда им идти, они подходят к ней, на порог, а она у порога была, в коридорчике сидела... они только стали, а она им и говорит: «Куда вы пришли? Идите отсюда, колдуны! Я колдунов и чародеев не лечу!» А они все стоят. Они, как я поняла, хотели проверить. А она им опять говорит: «Что вы здесь стоите? Я вам сказала: идите отсюда! Я колдунами не

занимаюсь!» И когда они повернулись от меня, одна из них, значит, наверное, одна занималась чародейством, такая красная кровяная - я тогда поняла все...

И вдруг, теперь захожу, моя очередь... зашла я к ней, и она говорит... женский пол она называла «маркошечки», а мужской пол называла «люнечки». И зашла я к ней, а она: «Ну что, маркошечка, пришла? Ну, хорошо, хорошо, что маркошечка пришла! Да, хорошо, что ты пришла! А что ж там у вас жеребцами делаются?» А я даже не понимаю. Я говорю: «А я что-то не понимаю!» - я же еще молодая была, и чего-то не понимала. «Да, да, маркошечка, делаются жеребцами». И тут же она мне говорит: «Пусть вот он, твой господин, лунечек... вот сейчас приедешь ты, а мать твоя у вас там, и пусть он спрашивает у матери: жизнь она дала ему плохую, а пусть даст и хорошую!» Ну, и я, как молодая, и приезжаю, и она как раз у нас... я просто вообще удивляюсь и говорю: «Мам, а чего это ты, жеребцом делаешься?» Она: «Ай, ну чего ты?» - «Я не знаю... вот, матушка поедем, может, успеем сегодня с тобой съездить транспортом?» - «Да нет!» - «Неужели ты делаешься жеребцом? Это ужасно! Ладно, надо мной, ну а над сыном чего ж ты издеваешься?» И она не созналась. А потом она мне сказала: «Как вы жили насмех - так и будете жить насмех». Ну почему? Мать родная может сделать детям своим жить так, издеваться над детьми. А они своим, как говорят, своим близким чародеи больше делают грязи, страданий, чем чужим. Но слава Господу, меня все равно Господь хранил! Я так думаю, почему меня в эту семью? Я задавала вопросы, говорила: «Господи!» Сколько раз как вспомнишь: закроюсь в комнате и нарыдаюсь - и как будто аж жить хочется! И как нарыдаешься! Все это вспомнишь, все это всплывает. И говорю: «Господи, ну почему Ты меня, сироту, дал в такую семью? Страшную семью!»

Во-первых, они и руки на чужое протягивали, и чародейством занимались. А потом идут мысли, и говорю: «Господи, прости!» А может, ради этой души, из этого родословия, может мой муж принадлежал ко спасению. Может быть и к этому – я вот это потом размышляла. Думаю: «Господи, а может ради этой души меня туда, на страдания бросил, ради этой души ко спасению?» Человеку же невозможно понять всю глубину Божью! И муж спасение получил, а брат его – нет.

Однажды я вижу сон, это уже давнишний сон: вроде нахожусь я в комнате, и мне муж мой говорит: «Пойдем, выйдем на улицу». И я в таком послушании, в скорбях таких от него, но такое послушание... и вот выхожу на улицу и вижу...ой, если бы вы знали, часы, часы на небе! Такие часы, мне кажется они почти все небо заняли. И стрелки идут: тик, тик, тик, тик! А народ в белых кофточках... а я «пальмы» еще не понимала, и говорю: «Ой, народ! А как идут, как воины! И в руках с пальмами». Я говорю: «Ой, какой народ хороший! Прямо дружно идут, действительно как армия какая! И идут на бой часов! А брат моего мужа, Виктор, смеется над этим народом во сне. Я говорю: «Виктор, не смейся, не смейся! Еще есть время, можно спастись тебе! Не смейся! Иди ко Христу!» Бесплезно, конечно он не принял. И когда бой часов сровнялся, в 12 часов - и как затикали эти часы у меня в сердце, и в ухо. И когда затикали часы в 12 - и они так стройно пошли с пальмами в руках, пошли на бой часов. Я проснулась и думаю: интересно, для меня это школа что ли была, но я не противилась, а наоборот даже радовалась! Думала: как удивительно, с пальмами, которые я вообще даже слово не знала «пальмы». Это значит, что духовное, все, внутренний человек это все говорил. И главное, они так стройно, и так много... и в руках у всех пальмы... беленькие

кофточки... и пошли все на бой часов! Все не перескажешь, что приходит на мысли... Говорила Богу: «Почему Ты меня послал в эту семью? Такую страшную семью: чародейство, воровство... и меня туда раз – и сироту бросил. Одними слезами... одни муки, одни муки... Наверное, ради души мужа моего, только ради него.

А вот брат, двойняшки были - и нет... и говорю ему, а бесполезно. «Э, сестра, хватит тебе!» Он на православном батюшке разбился. Чего ж мы сироты, а он учился на комбайнера, кажется. И говорит: «Я батюшке дал копеечки, я же сирота!» А тогда вообще копейки были... а батюшка говорит: «Чего ты мне копейки свои даешь?» И с этих пор я ненавижу!» Я говорю: «Ну как? Пусть он, это его грехи, но ты-то иди к Господу!» – «А я верю Богу! Я верю Богу! До сих пор верю! А ты какому-то Богу веришь...» - «Братец, миленький, я же Библию православную читаю, верю в Библию!» Но кому открыто, я правда говорю, как Исав с Иаковом... во чреве мы же двойняшками были с ним. И как Исав не принял истину, а Иаков принял. И он действительно... Исав-то первый шел из чрева то, а потом все-таки Иаков там... поменялись они...так и мы...

Я хорошо знала, документы собирала на пенсию, а там же придираются к каждой буковке, и вот «Алевтина» и «Алефтина». И мне пришлось в район отсылать документы, не очень так долго, но все-таки долго... и прислали, он первый, и там написано «Валентин», а я у него сверху написана «Алевтина»... в паспорте «Алефтина», а тут «Алевтина». Но Господь так сделал... одна женщина подошла: «Ой, надо опять делать!» А другая подходит и говорит: «Чего? Зачем старому человеку?» И Бог вступился за меня! Вступился за меня - и буквы прошли.

И еще вот насчет квартиры... что-то приходит насчет квартиры... я, когда последний день... и так Господь сделал, что паспорт... муж всю ночь издевался надо мной и над детьми, но так, что просто сил нет! И я говорила: «Господи, оставь в живых меня и детей. Больше я к мужу не вернусь! Я лучше детей сдам в государство на время, но больше чтобы дети не мучились около отца!» И вот до утра, он как-то раньше всегда уходил... дети последние маленькие были, и я собралась, собрала их тряпочки и все это... и, чтобы меня никто не видел, вышла... помню октябрь месяц был... и пошла на дорогу центральную, где машины, и стою... а как-то дождик чуть пошел такой, и Господь все-таки не дал мне стоять долго с детьми.

И вдруг, прямо с широкой кабиной «КАМАЗ»... и он сам... не я, а он останавливается, и водитель говорит: «Ну что? Где же мне вас сажать? Садитесь!» К себе на колени посадил, одного еще в ногах – ну, в общем, все гнездо посадил. Ну и ехали до Тамбова, подъехали, и он говорит: «Ну, где вас высадить?» А я даже сама не знала: куда я ехала, и зачем я ехала. Я сама не знала, потому что у меня такое состояние было, что вообще не знала! Только рада, что дети около меня, а больше мне ничего не надо. Ну, сошла с детьми, и тоже мне дается на мысль... как раз помню, пятница, а перед субботой... выходные суббота и воскресенье... и дается мысль: садись на такой-то транспорт, такая-то остановка, такая-то организация! И я это внутренним голосом приняла. Сажусь, и прямо успела, подъехала, захожу, а там женщина... ой, как я рыдала, я навзрыд рыдала: «Помогите моим детям! Помогите моим детям! Возьмите их на время! Я устроюсь, а потом их заберу». А сама рыдаю навзрыд! «Женщина, успокойтесь! Успокойтесь! Мы возьмем у вас детей, успокойтесь только!» А как раз выходные, и она говорит: «А вот эти выходные вам есть где ночевать?» А тут

дядя жил, но Господь, наверное, не допустил! Если бы я у дяди осталась, то мне квартиру не дали бы, меня бы мучили. И у меня сердце не лежит к дяде, потому что он строгий был такой, украинец, муж тети - там мне делать нечего. И я раз – мысли: на вокзале, на втором этаже с детьми. И все! Она сказала: «Приходите в понедельник, мы детей у вас заберем!» А маленькая осталась на руках.

И дальше стою... сколько я стояла на остановке, я не знаю... и вдруг, подходит ко мне женщина и говорит: «Женщина, я за вами слежу, сколько транспорта прошло, вы ни на один не сядились. Куда вы едите?» Я молчу, а у меня слезы наворачиваются, я же сама не знаю, куда мне ехать. Она говорит: «Женщина, я вас очень прошу, куда вы едите? Я не отойду от вас! Куда вы едите?» Потом я уже вынуждена была сказать ей, потому что она неотступна от меня была. Я потом поняла, что это Бог поставил мирскую женщину за мной ухаживать, смотреть. Я говорю: «Вы знаете, я еду на вокзал, на второй этаж с ними». Она говорит: «Нет, я вас не оставлю! Я вас к себе взяла бы, но моя свекровь там, пойдете к моей маме... я с мамой поговорю, мама вас возьмет к себе». Ну, я вроде как-то все упрячилась, упрячилась, ведь дети маленькие, как это? А я очень переживательный человек, чтоб людей не обременять и все прочее. И я все упрячилась, а она все равно... и потом, когда я согласилась, у нее лицо засияло! От радости, что я согласилась, засияло лицо!

Она инженером работала, как сказала... и она берет моих всех детей, и не стесняется, идет впереди, а я сзади иду и слезами умываюсь, и думаю: куда она меня ведет? А там, на вокзале, я бы села, там потеплее - два дня помучилась бы, а эти дни пошла бы в

церковь, собрала бы и накормила детей... а денег у меня тогда почти и не было. И мы подошли к ее дому, и она говорит: «Постой тут, сейчас я с мамой поговорю». Мать выходит, смотрит на меня, и сама удивляется, не понимает, в чем дело: целое гнездо тут. Но ничего мать не говорит, а ее дочь рыдает: «Мамочка, миленькая, ну помоги ты детям и ей! Мы не знаем, какая жизнь у нее. Помоги, я прошу тебя, мама!» Я так поняла, второй муж у нее... и уговорила, и эта мама взяла нас, и детей накормила... и, по-видимому, я только ночку переночевала у нее, и пошла просить: «Простите, я не могу! Я не могу, простите меня! Но я благодарю, что вы меня приняли!»

Я помню, было три рубля, они тоже дорогие были, я покушать собрала, и иду... села на автобус, и приехала на вокзал, поднялась туда, на второй этаж, но меня окружили цыгане, просто невозможно... а у меня девочка была такая красивая, а они прилипли, они детей всегда воруют... чего они русских берут - не знаю... а я же их не соберу: дети есть дети... и вдруг эта женщина, которая стояла на остановке, с двумя сумками идет, и увидела, что цыгане около меня, начала на них кричать, разогнала их: «Вы что тут?» А мне говорит: «Вы чего тут сидите? Тут же есть комнатки». Я говорю: «Ну, комнатки, комнатки...» Я сразу мялась, а потом говорю: «За комнату надо платить, а детей вон сколько! Да тут тепло – ничего». - «Нет, нет, нет! О деньгах не беспокойтесь! Я за вас заплачу!» Ну, и я уже тут особо долго ее не мучила, чтобы не соглашаться, а когда я согласилась, она так рада была... она берет все гнездо, и ведет туда, в комнатку, где специальные комнаты для приезжих с детьми... зашла туда к медработнику, и так плакала, так плакала обо мне: «Помогите вот этой семье! Помогите, пожалуйста! Сколько заплатить вам за три дня?» Она говорит: «Я за три дня не имею право брать, а за два могу взять!» - «Возьмите

вам за два дня, а за третий на тебе, и ты заплатишь!» Обошла я все эти коечки, там постирались, там подсушились... я вообще в таком состоянии была, сама себя не помнила, ничего не знала. А потом, в понедельник, я пошла и детей моих старших взяли на время, осталась одна маленькая, а потом я эту маленькую в ясли определила, в детский дом.

А я же прописана была там в деревне. И в это время, когда мне надо... Господь держал, чтобы мне поменять паспорт. И в это время, тут же мне ложит на разум, что мне надо поменять паспорт. Я иду паспорт менять, а там девчонки молодые, может семейные, не знаю, ну я им рассказала вкратце историю, как вот сейчас. А они говорят: «Ой, мы не можем, чтобы не записать ни мужа, ни детей!» - «Я вас очень прошу, пожалуйста, сделайте! - я все пояснила вкратце, - если чего: вот адрес! Я это не сделаю! Пожалуйста, только не впишите!» Все-таки, не вписали мне мужа, а я одинокая.

А у дяди моего на квартире был мужчина с женой: «Алефтина, не беспокойся, мы тебя пропишем!» И он сходил в паспортный стол, и меня у себя прописал. Прописал меня, и тогда я устраиваюсь на работу в дом управления кладовщиком на полный день, и медсестрой на полставки в больнице, и эти деньги я детям раздавала. Приду туда, и дети тоже прибегают и чужие, я говорю: «А как же мама?» – «А у меня нет мамы!» И я думала: Боже, моих-то я пришла, мать, а у тех нет матери... и все им отдаю, и все. А сама пойду в православную церковь, и там помою что-нибудь, и мне хлебушка дадут.

А как устроилась кладовщиком, быстро поменяла паспорт, у меня то прописка есть, а домоуправ начальник не знал, что у меня

дети, и всю мою обстановку не знал, а мне подсказали: «Алефтина, поезжай в Москву, - сейчас, может, этого нет, не знаю, - в приемную, и ты как мать многодетная; тебе дадут квартиру в городе». И я согласилась, и там один говорит: «Алефтина Павловна, отпуская товар рабочим, дай мне ключи, а сама езжай!» И правда, я так послушалась, тут я не упрячилась. Приезжаю в Москву, они мне рассказали: как обстановка, как что, чего. Но там приемная... Кремль... и напротив него крупными буквами написано «Приемная». Тогда же народ туда приезжал, сейчас же совсем мало. И только заходишь, и так кротко: «А вы по какому вопросу? А вы по какому? Идите вот туда...» И так тихенько, спокойненько... ну и зашла я на прием к мужчине... собрала документы на всех детей, и что прописана, что работаю. Ну, я еще этого не понимала, что это план Божий. Но я его не понимала! Я сама не понимала, что со мной идет. И он там раз - и все, у них же там телефоны, и вызывают меня. А, да... и оттуда не выпускают, отвезли нас в какую-то тюрьму, накормили нас там, билеты нам дали на дорогу, выписали, и не выпускают, на поезд там приблизительно к каким часам дают билеты, а тогда езжай, чтобы по городу не ходили, наверное. Ну и все! Звонят нашему домоуправу: «Так и так... Или тебе квартира, или же ей». А он как раз устроился насчет квартиры. И тогда начал нажимать на меня. Он говорил: «Вы, Алефтина Павловна, вот в том доме, он под снос, там никто не живет, поживите пока там». А там все нормально, все условия для меня. Мне богатство и все прочее не нужно, мне самое главное, что крыша есть над головой - и все, и детям продукты отнесу.

Я еще видела сон: мой муж в воздухе и опускает мне ключи. А я внизу, и протянула руку к нему вверх, взяла ключи у него. И я

поняла, что я должна доживать у себя в квартире, в той комнате, где я сейчас живу...

И что делает Господь: в одно прекрасное время я пришла на работу, а мне говорят: «Алефтина, нашего домоуправа нет! Звонила его жена, у него было высокое давление - и он умер». И я почему-то не очень такая, неукрепленная особо: «да ну Господи, как?» А потом прямо как выскочили слова: «Так и надо!» Господь убрал его с пути моего, этого домоуправа. А мне теперь уже свободно, квартиру мне теперь уже дают. И мне квартиру дали, так как 8 детей, 10 человек, всю площадку, три комнаты: трехкомнатная, двухкомнатная и однокомнатная. В горисполкоме такая была Пучкова, может уже умерла, она эту квартиру продала... а я подошла к секретарю, молодой женщине и говорю: «Посмотрите, пожалуйста, вот такой адрес». Она говорит: «А вы меня не подведете?» Я говорю: «А зачем мне вас подводить?» - «Ваша квартира уже продана». Тогда мне дали телефон московский, я звоню туда ему... вот так и так... и он быстро им, это же секунды... и она меня вызывает к телефону, от домоуправления... а этого домоуправа уже похоронили, препятствий уже нет для моей квартиры. И говорят: «Это вам звонят из горисполкома, товарищ Пучкова, придите сейчас к нам, вы нужны тут». Отпустили, я поехала, тут уже она стала: «Вы знаете что? Вы можете подождать до 23 февраля, а квартиру мы вам дадим». Помню, что я сказала: «Хорошо... я подожду...» Так спокойно разговаривала: «Если за месяц не дадите, я поеду в Москву...» - «Нет, вам не придется ехать, мы вам дадим!» И действительно, к 23 февраля... но квартиру то не эту, но я и трехкомнатной рада! Я зашла, все комнаты пустые, и я их слезами облила, не надо вода: в одну комнату зашла и слезами облила, во вторую, в третью. Я уже

этому радуюсь! После таких страданий, я даже этой трехкомнатной рада была. А потом подумала, а зачем? Они же птицы... выросли, а за них тоже платить очень много, и они все полетели. Кто сейчас с детьми, и с братьями живет? Никто. Дальше уже больше не стала я требовать – значит так не надо уже, наверное, поднимать вопрос: почему мне площадку всю не отдали? И так потом и пошло... дети выросли, разъехались. Путь мой страданий уже остановился, страданий души моей, хождение по мукам. А теперь уже не живу, а доживаю...

Я и в чужих подъездах ночевала, и где только ни была. Некоторые же люди идут рано на работу, и выгоняют и все прочее. А мои дети лежат у чужих порогов. Вспоминать страшно! Я только говорю: «Боже, помилуй моих детей!» Они уже там, во чреве, и то мучились. Если мать мучается, то и дети во чреве мучаются. Это понятно, мы все знаем. И вышли на свет - тоже слезы были у деток. Но так вот! Вот такой путь! Часто конечно я обижалась, я не знала Бога, я обижалась. Не у матери, а у свекрови, пусть она колдунья, все равно просила прощения, говорила: «Мама, прости меня, что я тебя называла колдуньей! Но если ты действительно такая, попроси у Бога прощение, чтобы Бог тебе простил. И не делай этого!» Но мое дело попросить, а это дело ее. Так что хорошего я почти ничего не видела. Но слава Господу. Есть и хорошее – лишь только с Господом быть! На земле жизнь - это как сон и все, больше ничего. А хорошего ничего я не видела. Даже родные меня особо не знали, особенно когда я познала Господа. Они даже не знали меня, говорили: «Вошла в какую-то веру, детей нарожала!» И вот предпоследняя девочка, которая была такая красивая у меня, и говорили: «Алевтина, ну сделай ты аборт!» Люди делают аборт, а вот я детей рожала. Бога я не знала,

а вот страшно мне детей убить, и все. Вот почему-то, хоть я и не знала Бога, а вот рождаются дети - и все. А вот какие сны бывают! Некоторые сны бывают человеческие, есть от сатаны, есть все таки от Бога. Я не всем снам верю, но есть от Бога. Им не поверить – но поверишь, если все это рассказать! Такая моя какая-то жизнь была, я вообще не могла, не могла что, к чему, как, почему такой путь мой?

Вижу еще сон: как трудно я шла на Восток, домой. Не передать как тяжело. Но шла, упиралась, и пела песню. И говорю: «Я не буду петь их песни. Я буду петь песню свою!» Но запомнила, осталось в памяти два слова: «Господь твердыня моя!» И как приятно душе было петь!

V

Смерть уже была около меня, а я живой оставалась, дети мои живыми оставались. А дети беленькие, лицо было кровавое, один ребеночек даже заикался от испуга, от страха. Это я чуть-чуть... я уже даже больше не могу описать... страшно...если вкратце... всего не расскажешь...

И вот, когда было сказано там «Дары». Но фамилию старца, я уже забыла, прошло много лет. Было сказано, что «не Дар, - он даже сам сказал, - а Дары». Но я ведь этого же еще не понимала. И я еще раз говорю, что душепопечители... чтобы человека поддерживать, тем более в духовном таком, в работе Духа Святого, этому человеку нужна помощь, этому человеку нужна помощь со стороны, духовного человека, брата или сестры. А если он по букве будет душепопечитель, тогда какой он мне попечитель? Он мне не поможет, а нужен духовный! Если Дары - значит духовный человек должен помогать мне! И Господь через меня очень действовал. Очень! И тут же Господь начал действовать, и тут же полетели на меня камни. Тут же полетели на меня камни! И что делает Господь? Что делает Господь! Я говорю: «Знаете, у меня было два пожара» - «Как, Алевтина, с такой семьей?» Я говорю: «Да, первый пожар у меня был в деревне!» - «А почему?»

Домик маленький, как вот он в земле, чтобы дети туберкулезом не заболели... и я в совхозе натаскала досок. «Сделайте им будочку, чтобы они хоть на свежем воздухе летом спали». Ну и натаскала! А тут же прямо все: и наш сарай соломенный, деревянный, и рядом стога у людей, а прямо эта будочка между ними, и все... и в одно время, хорошо что я дома была, забегает сосед: «Алефтина, вы же горите!» Я: «Как горим?»

Выскочила! Эта будка пылает, и главное будка пылает, а сарай, ну что тут от жара и соломе загореться? А ничего, кроме вот этого воровского. А я стою, а туда нельзя, там пылает и говорю: «О, Господи, а там же дети!» А долго не было детей, а зайти туда не могу, разрывается моя внутренность материнская... а смотрю: они идут из поселка – и тогда я успокоилась...

Второй пожар был у меня в городе Тамбове. Второй сын в армии служил, и долго не было от него ответа. Не было долго ответа и думаю: что такое? Письмо за письмом, а ответа нет. И вижу сон о сыне. Вижу сон: он лежит уже мертвый. И я прямо легла на него, как Елисей на ребенка, как написано в 4-ой или какой там Царства... как Елисей, руки мои на его руки, лицо на лицо... и глаза были закрыты - все мертвый... и все лежу, сама смотрю... вера... дух смотрит, дух смотрит... как плоть может смотреть на него? Не может! И руки мои лежат на нем, лицо на лицо и я смотрю на него, и он: раз-раз-раз, заморгал, заморгал – и живой. Это такой сон я видела. И говорю: «Боже, что с ним случилось?» Я дала письмо, телеграмму начальнику, не знаю, получил или нет. Думаю, что пойду, дам телеграмму в часть: почему их нет. А пришла с ночи, тогда был кризис, у нас спичек не давали, ну я детям с ночи думаю там сладость или чего такое. Ну, надо же в это время дать спички! Продавец говорит: «Женщина, а вам можно спички вместо сдачи дать?» Я говорю: «Ой, как спички сдачей? Как же кризис?» - «Ну, вот так получилось!» Я говорю: «Конечно, давайте спички». И я взяла, и купила все, положила на стол... а у нас через дорогу почта, и телеграф рядом. Пришла туда, а там как раз перерыв 10 или 15 минут... Ну, думаю, что тут 10 минут? Пока туда на 5-ый этаж...посижу... детям дала покушать... пока дети сладости - они

это любят... там ничего страшного! А меня уже женщины ищут, как потом мне сказали... я все сделала... дала телеграмму, и иду... за угол дома завернула, и вижу три пожарные машины, и только сказала: «Господи, спаси моих детей и Библию!» Больше ничего из уст моих не вышло: «Детей и Библию». Подошла к подъезду, а там одна такая добрая женщина была, Оля, говорит: «Алефтина, не беспокойся! Иди, посмотри: дети твои у меня в комнате. Успокойся!» И все-все погорело. Но то, что это вообще можно даже не поверить, что фанерки 2-е по бокам, и 3-я наверху, и там внутри лежала моя Библия... все горит, все горит, а она нет. И скажут: «Алефтина, ты врешь!» - «А это уже их: верить, не верить - это меня не касается». Она только краешком потемнела, и все. Все горит, боковины целые, и верхушка, а Библия лежит. Как сказала - так и сделал Господь. И что Господь попустил... и тоже Господь... из дома управления ко мне пришли, все очистили, все побелили, и никаких версий. Сказали: «Пророк, допророчествовалась?» Уже идет молва на меня: «Вот пророк, допророчествовалась!»

А перед этим пожаром... я работала на заводе, на этой улице... и субботницы, но духовные... по плоти есть сестры, и по духу верующие были субботницы... я, бывало, зайду с работы к ним, помолюсь и домой еду. И зашла, и помолились, а через уста мои Господь говорит: «Прими огненное искушение!» Но я, когда мне было сказано не удивилась, потому что это не в первый раз, и я не удивилась, а только думала: «Господи, дай силы устоять мне перед народом Твоим!» Потому что пастыря все, и все овцы ой, ой, ой... Это я вкратце говорю: «Дай мне сил устоять!» Я этим сестрам ничего не сказала, домой приехала, и вот это все получилось. Вот это огненное искушение! Конечно, какая семья! И верующие

- ничего, а мир как натаскал всех продуктов... и столько натаскали! А одна женщина... звонок, как раз я с работы пришла с ночи, и говорю: «Заходите». Она говорит: «Вы не можете, как погоревшей, помощи мне дать? Сгорело у нас то и то...» Я говорю: «Ой, женщина, вот выбирайте, что вам? Куда мне?» Как натаскали это все, и продукты, и все. И я говорю: «Вот выбирайте, а если мало будет, еще приходите!» Но я уже не помню, приходила она во второй раз или нет. Знаю, что в первый раз она набрала. Так что Господь... Он-то и попускает... то есть веру... прежде чем познать Бога, как я поняла, работу Духа Святого впустить в человека, сначала в огонь его бросает: очистить веру мою, как она выдержит это все - такой экзамен, с такой семьей, и все прочее. Но, как бы то ни было, как пастор не нападал бы... а однажды приехал к нам пастор из другого города, он нам преподавал хлебопреломление... а я вижу во сне, что мы хлебопреломление не примем, мы не готовы. Собрались уже, и они же пока не подъехали, братья, и я говорю: «Сестры, такой и такой сон был у меня. Мы не примем хлебопреломление!» - «Почему Алефтина? А чего?» Хотели сказать: слушай пророк, ну понятно же тебе, Алефтина, что мы хотим сказать! Идет такой-то сон: мы не примем, мы не готовы. Ну, приезжают те братья... и что Господь сделал?! То ли хлеб, то ли вино забыли. Господь не допустил! Ну и сидим: сестры, я, и они, два брата. Но надо же, тот пастор ко мне: «Алефтина, а это вот как?» Я ему отвечаю. Он мне вопрос - а я ему отвечаю. Он мне вопрос - а я отвечаю. Уже сестры остальные не выдержали: «Алефтина, может тебе остановиться?» А я говорю: «А я должна отвечать, если человек задает вопрос!» А он говорит: «Ты, Алефтина, говори, говори, говори!» - пастырь-то. Ну, если он разрешает - я отвечаю ему, я должна ответить! И он опять все ко мне, опять все эти проверки меня, и вот сестрам... а потом мы

стали... и он говорит: а, забыл то ли хлеб, то ли вино. Ну, не допустил Господь. И так вот все это! А потом уже все: «Лжепророк! Лжепророк! Лжепророк!» А я только прошу: «Господи, помоги мне устоять! Господи, помоги мне устоять!» И Господь начал: изгнание бесов было через меня, Дар вспоможения. Ну, как было сказано, что «не Дар, а Дары» - они все были. А потом меня раз, раз... и если пастор говорит: «Нет!» – я должна слушаться, я ж не буду... и я закрывала уста... А так действительно Дары были... и истолкование... и очень Даров у меня... Но что сделаешь?

Где пастор мудрый: любит Дух Святой, любит Дары, любит работу Духа Святого, он, конечно, не угащает! Он полное право имеет проверить. Пастор, он полное право имеет проверить сосуды! Он полное право имеет! И запретить! И заставить работать! Это все он отвечает! Он отвечает! Сказал «нет» – значит, нет. Сказал: «выходи работать» – выходи. А там у нас нет таких работников. Поэтому все гасят. А сейчас у нас там вообще как Духом молиться, про Дары вообще забыли. Там даже Духом не молимся. Какие там Дары? Какие могут быть Дары? Духом даже не молимся. Так тяжело! Так тяжело без Духа Святого! Очень тяжело!

Но 40 лет... от такой семьи, от такой жизни, как цыганской жизни, и то у них легче была жизнь, чем у меня. А душа, дух не выдерживает такой жизни духовной, как там у нас. По плоти тяжело сюда ездить, а езжу. Что сделать? Езжу, потому я что я не могу жить без Духа Святого! Я не могу! Мне тяжело! А что сделаешь? Что там разбирать, когда там вообще запретили? Ну, теперь, наверное, уже в последний раз, уже все-таки 80 лет, куда же теперь ехать? А там как Господь...

Вот сын из Сибири хочет водное крещение, и надо же так сказать: «Мама, я хочу водное крещение принять только в этой церкви, в которую ты ездешь». Я даже сама удивилась, думаю: как? Он еще же ничего не знает, а сюда. А еще про этого сына, который собирается сюда, он меня возил в Сибири в город Междуреченск, наш народ тоже... ну, молятся иными языками, а Даров как обычно... Россия есть Россия!

Вижу сон: сына своего, стоит он... и стою я... он молчал, молчал, а потом говорит: «Мама, а я в эту церковь ходить не буду». Я все молчу, не отвечаю во сне ничего. Потом говорит: «Я не буду ходить, потому что я мусульманин». Я опять молчу во сне. И больше он ничего не сказал: мусульманин и все. Я проснулась, и думаю... я поняла, что это мой дух чувствует, что это не мусульманин... звоню Жене, с которой я там перезваниваюсь, и говорю: «Сестра, Женя, а Олег ваш, - я же была в этой церкви,- а Олег ваш что, мусульманин, или нет?» Она говорит: «Нет, он русский!» - «Тогда сестричка, послушай сон! Мусульманин – это по букве, по закону. Не то, что он такой мусульманин, вот просто по букве у вас!» И поэтому душа и дух моего сына не хочет быть там членом и водное крещение не хочет. Вот такой вот сон! Я говорю: ну надо же такой сон! Вот он прямо: «Мама, я хочу тут принять». А это суток до Москвы где-то 5, в одну сторону... и опять... десять дней ему нужно на дорогу. Очень трудно ему. А там, ну как Господь усмотрит. Как Господь усмотрит! А сейчас из Даров у нас там ничего нет! Тяжело. Но что сделаешь? Ничего не сделаешь. Пустыня безводная.

VI

Говорят: «Алефтина, ты так работаешь над Словом?!» Я говорю: «Так повелено мне!» А кто из проповеди мне будет говорить: куда мне плыть?

Еще однажды сон видела: пришла вроде я к субботникам. Ну, я книжки покупаю, у них тоже хорошие книжки, но я не все подряд, а знаю какую купить. Вижу сон: становится брат на проповедь... и он идет, а у него в руках ничего нет. Подходит, становится за кафедру, руки поднимает, когда у него тоже Библии нет... потом так руки поднял и говорит: «Это Библия Николая», - опускает. Потом опять руки поднимает. Я смотрю сон! Это душа и дух мой смотрит: «А это Библия Сергея». И вот раз 5-6 он поднял. И как я поняла, он еще больше мог назвать имен Библии.

А у них был пастор Тимофей, потом его куда-то в Тульскую область переслали, не плохой брат был, и я говорю: «Простите, пожалуйста, а можно вам сон рассказать?» Он говорит: «Можно, можно, можно, сестричка!» Я говорю, что такой и такой сон. И когда рассказала, он так посмотрел на меня, и говорит: «Сестра, это точно! Это точно! Библия одна, а каждый трактует свое знание». Хотя я знала, но интересно было, что он мне ответит. Мне понятно: из одной Библии сколько вероисповеданий, и организывают церкви. Я не прибавляю: сон как сон. «Это Библия Сергея!» И больше бы назвал, но уж тут понятно: что они с проповеди подают, какую пищу. Я говорю: «Знаете, проповедь – это пища, это готовая пища. Это, как столовая, приходим, и кушаем оттуда, нам пищу подают. А какую? То ли Сергея, то ли Михаила... а если ты Библию знаешь, то разберешь: «Нет, мне повара дайте другого! А дайте мне вот это!» А тут все подряд

берем и едим. Почему? Потому что Библию мы не знаем.

У нас один брат, Володя... уже умер... тоже сон о нем видела, он «учился у ног Гамалиила». Сейчас к людям посылают, чтобы учиться, получить дипломы, бумажки эти свои. И вот он приехал, и его пастор Сергей, поставил на проповедь. И он только начал... но он там грамотный, потому что он учителем был... и грамотный и духовно... и учился тем более у человека. И вроде начал говорить, мне так понравилось, и даже слово хорошее, я не успела сказать: «Хор...» - кажется мне, три буквы или четыре, и вижу... с открытыми глазами вижу: вода течет, и я так обрадовалась, что вода течет: «Слава Тебе, Господи! Вода течет!» И когда я обрадовалась, что вода течет, появилось решето, если бы оно так просто появилось, я бы не увидела, что там в решете, а решето так вот на мою сторону, и я вижу, что вода льется... и вижу, что там в решете остается грязь... И почему написано: «и горькое, и сладкое»? Он проповедует и от Бога, и от себя может сказать, свое знание... но, в общем, нет того, чтобы в полноте от Бога... остается в решете, а решето – это наш разум. И вот просевай: что брать, а что не брать от Него. А если не буду знать Библии, я все подряд поем. Почему и отравление бывает? А чего я ела? Чего я отравилась? Да потому что проповедь не такая была! Это я уже на духовное перехожу, поэтому Слово мы должны знать! Ой, со мной спорили сестры: «Ты что, Алефтина, а где написано, чтобы мы знали?» Я говорю: «Я не нашла нигде, чтобы одному пастору было открыто. Там написано, что все должны знать. Но не написано, чтобы лично один пастор знал!» Мы должны тоже знать, поэтому мне Бог повелел, но я не все комментарии записываю в тетрадь, а что мне ложится на сердце, что мне вписать в тетрадь... и все проверю... первую главу,

допустим, одну всю прошла раза три... и так прочитаю... и эти еще запомню - тогда она у меня в голове остается. А если так вот записать и пойти – это я просто пробежала. Просто по Библии надо копать, и надо запоминать, несколько раз повторить - тогда у меня оно уже остается. Вот и по ссылкам, и по этим комментариям хожу, и мне так нравится, мне так хочется! Иногда как откроется! Вот почему Иеремия пишет: «Все новое и новое вам открываю». Думаю: нет, Библия одна, нового ничего нет! А это из Библии новое ты все открываешь. Все закрыто! В Евангелии написано: «Кому открою, кому закрою». Оно же закрыто, Слово Божье, а Бог его открывает. А своим разумом мы открываем - и поэтому много очень вероисповеданий. Потому что своим разумом открываем церковь: это такого, это такого, это такого пастора. Мне кажется, кто жаждет истины - Бог ему откроет. «Жажущим» написано! «Жажущие, идите и пейте воду» – написано. Жажущие, жажущие! «А у Бога малое стадо», - написано. Как Гедеон... я взяла всем пример: «Сестры и братья, возьмите пример Гедеона! «Гедеон, много народу... не надо человекам славы... Я не отдам Свою славу вам. Гедеон, отбавь!» Гедеон отбавил. Видит, что еще нет, и Он говорит: «Еще отбавь». И еще каких? «Возьмешь тех, которые будут лакать, как псы». Думаю, как такое «псы»? Ну, написано, и куда ты денешься? Это смелых, наверное, таких воинов смелых, они идут на передовую, в огонь идут - вот эти, наверное, и есть, они не боятся никого, никакого чуждого огня, ничего.

Как в Москву приехали к одному брату, и сели за стол, разговариваем там, кто-то начал, а я говорю: «Братья и сестры, простите, пожалуйста, я не хочу наземного, я люблю небесное. Только небесное! Только небесное! Кому пророчество, кому сон,

кому Слово открылось? Вот это я люблю. А остальное не люблю!» А потом раз - и я говорю: «Сережа, братец, а что за «псы»?» Так вот ему сказала. И жена его, и теща, еще кто-то там сидели, и с какими я приехала: «Какие псы? В Библии нет такого! Зачем Богу псы?» Я говорю: «У тебя полная симфония есть?» Он говорит: «Есть!» Я говорю: «Давай сюда ее, полную!» Он принес. Я говорю: «Найди слово «псы»...» Он нашел, читал, потом остановился и смотрит на меня. Я говорю: «Братец, что ты на меня то смотришь? Ты читай вслух, чтобы все слышали». Он читает. А потом я говорю: «Из Ветхого Завета пусть твой дух летит в Евангелие. Узнал кто такие псы?»

А жена его: «Алефтина, что ты нам открыла!» А я говорю: «Я вам открыла? Я из своей Библии вам не показала, хотя она одна!» - «Это вы так Библию исследуете? Это вы так слушаете Бога?» Он дал всем нам! Кто «жаждет»? А кто пошел без труда вытянуть рыбку из пруда... Рыбку без труда не поймает в пруду, надо покопаться, посидеть, когда она там попадет. И это одно слово откроется - и то драгоценность, и то это золото». Говорят: «Ну, это тогда жизни не хватит!» Я говорю: «Сколько надо Бог откроет, не надо на жизнь... вот сколько надо Ему - Он нам и откроет, больше Он нам не откроет! Вот сколько открывает, и то мы не исполняем. Если бы мы исполняли, Он бы нам еще прибавил бы». А чего дополнять, если я и это не исполняю? Я говорю, вот как откровение. Ну а чего Он тебе будет давать? Одно и тоже говорить. Как один брат проповедовал, говорит и говорит проповедь одну и ту же - и уже все овцы не выдержали и говорят ему: «Брат, ну в конце концов, мы уже устали, надоело уже это одно и тоже!» А он: «Буду говорить до тех пор, пока вы не исполните то, что я вам сказал!» Правильно! Как я могу не

согласиться? Правильно! А тот говорит: «О, вот это... вот это... вот это... вот это хочу, новенькое!» Так тут еще не исполнили, чего бросать то? Как написано в Евангелии: «не бросайте псам, свиньям...» Я говорю: «А кто это «псы», «свиньи»? Пройдитесь по Библии». Мне говорят: «Алефтина, ты всю дорогу задаешь вопросы!» Я говорю: «Я задаю вопросы из Библии, ни откуда-то...«свиньи», «псы», «не бросай им жемчуг» - в Евангелии написано». «Ну, с тобой говорить...» - «Не со мной, с Библией говоришь, но не со мной!» Это из Библии слова-то. Вот кто трудится - тому Бог открывает! Я говорю: «У меня 8 детей, а сколько я книг пустых переписала, сколько времени у меня вообще. И так сатана делает, не успеваю одну книгу писать с такой семьей, а уже еще книгу готовит. По-видимому, через уста мои было мне сказано: «много ешь хлеба, а воды мало пьешь!» Я проснулась и думаю: точно! «Хлеб» – это слово, я копаю, копаю, ем...а «воды мало» - значит, до молитвы у меня не доходит время.

Однажды я замыслила тоже на сердце, и дала обет Богу... а какие-то три книги хорошие, для меня они хорошие, и говорю: «Господи, прежде всего три книги, вот эти три книги перепишу, а тогда буду молиться». Такой дала обет! Это безумие! И что? И да: захожу в комнату, а там ничего не было, стены и все, и склонилась, и как душа начала изливаться! Изливаний души своей не передать! И вдруг слышу голос: «Подожди молиться! Вот как три книги исполним, перепишем - тогда будем молиться!» Я как глянула: стол, за столом сидят три мужчины, а мужчины – это три книги. Я дала обет, это мои слова он говорил, сатана... «Господи, вот я еще три книги перепишу, тогда буду молиться!» И смотрю: стол и три человека, три книги лежат. Ну как можно не поверить? И думаю: Господи, надо же такое? Дала обет, «а тогда уже я буду

воду пить!» И когда же ты будешь пить, три книги переписать. «Хлеба много ешь», - говорит. Действительно, я хлеба много ем, а молитва... Но что сделаешь? Где пастор мудрый, где пастор боится Бога, любит Дух Святой, любит работу Духа Святого, он осторожен. Конечно, ему надо осторожно! Лжепророки были, есть, и будут. Это да! И Божьи: были, есть, и будут! Но пастор, если он мудрый, он проверяет: какой Божий, какой не Божий, ему дано это. А в моей церкви там вообще всему крест. Я говорю: «Вы знаете, что? Если в церкви есть два духа, то там покоя не будет! Дух Божий и дух сатанинский, они обязательно: кто кого победит. Как Исаак с Иаковом боролись во чреве матери. А если там один дух, с каким духом он бороться будет? У нас тишина там, там Божьего Духа нет, с каким Он духом будет бороться? Там дух совсем другой, и один. И борьбы там... тишина... «Аллилуйя» поем, и все. Ну что сделаешь? Время пришло на Лаодикийский период, наверное. Тяжело конечно! Кто любит Господа, кто старается искать Бога, то очень трудно этим людям. Очень трудно! Конечно, Господь не бросит жаждущих, но что сделаешь?

VII

Ну я еще скажу, что я чувствую, что это у меня повеление во сне от Господа, чтобы вот добиться до истины, до глубины, как вот сын Авраама, Исаак... Копали, копали колодцы - и докопались до воды живой! До воды живой копали - и докопались до живой воды. И вот мне есть такое повеление, я чувствую, что повеление, что копать в слове – это исследовать. «Исследуйте!» И вот я Библий накупила, по Симфонии, и через Дух Святой, и так начала, а сама даже радуюсь, как хорошо открывается.

Вот некоторые: «Алефтина, а можно тебе позвонить? А это вот как? А это вот как?» Я уже, набравшись терпения, говорю: «Сестра, ну, в конце концов, ну что ж ты? Я день и ночь сижу. А ты чем там занимаешься - я не знаю, мне не надо знать... и раз позвонила: Алефтина! О! И ты получила, и пошла и другой сказала. А без труда вытащила рыбку из пруда. Но ты потрудишься, тебе же лучше будет. Это твое знание будет! А это ты чужое знание понесла, но не свое понесла. А вот когда свое - то будешь дорожить, и даже радоваться, что Бог тебе открыл. Как женщина, которая потеряла жемчужину и искала... вот и ты найдешь, откроешь: Ты знаешь, сестра Алефтина, мне Господь то-то и то-то открыл! Это радость! И я буду с тобой радоваться, что тебе Бог открыл Слово! Что за «свиньи», что за «псы» – я так пример говорю. И вот ты будешь радоваться, как эти говорят: «О! Алефтина, что ты нам открыла?» Я говорю: «Я вам не открывала, и в вашей Библии так написано, как и в моей». – «Но нет, Алефтина, это жизни не хватит!» Я говорю: «Вот насколько жизни отпущено, вот настолько Он нам и открывает. Если жизнь сократит тебе – Он не спросит, потому что ты не проходила там. А вот что тебе открыл – это спросит! Это спросит!» Говорят: «Да, интересно,

да интересно, Алефтина! Как это ты?» – «Как? Копая колодец, водоемы». Но не все, какие копают колодцы... как церковь баптистов накопили колодцы... церковь совершенников... иеговистов... Вот какие колодцы накопились. Ведь идут туда, пьют воду, а сами не исследуют Библию, а Библия одна и та же. А потому что не копаются, а пошли туда. А я нет! И уже: «Алефтина, а сколько там народу?» Я говорю: «Я иду не к народу, я иду к Господу! И я чувствую... сразу есть чувствуешь: там дух какой. Для меня все уже понятно, какая церковь. Уже понятно! Я говорю: «Я не ищу народ, я ищу Духа Святого! Христа я ищу, но не людей, не человека. Мне количество не нужно! Написано «где двое или трое собраны - и там Я среди них!» Ну, как Бог мне открыл, как ведет - так я и иду. И я вот очень радуюсь, что открывается, открывается, и мне даже спать не хочется. Так хочется еще дальше, дальше, дальше! Пишу, пишу, пишу... У меня очень много Библий разных таких: православного почина, такая Библия знатная, вот недавно купила Библию Джимми Свагерта – тоже хорошая. Ну, я не все комментарии пишу...

Обязательно все это надо запоминать! Как там вот Аврааму написано, 15 глава Бытие: «Авраам, отсеки животных пополам! А птиц не трогай». Ну ладно там сестры, а братья мне говорят: «Сестра, ну такой там обычай: животных отсекали, и мимо них проходили» - «А птиц не трогать?» – «А чего птиц отсекаешь?» Я не осуждаю их... ну, не хочет работать - и все. Я говорю: «Открой 15 главу Бытие». Я нашла, прочитала... что «птиц не трогай». Так вот теперь ссылки идут к Иеремии, кого он отсекал - поясняется.

С одного стишка, братья и сестры, никогда не берите! Надо это слово, этот стишок по всей Библии пройти, тогда ты не пойдешь ни к брату, ни к сестре, не будешь звонить, тебе Бог

открыл чистого золота из Библии. И там написано, кого рассек он. Народ израильский на два: Израиль и Иудино рассек. «А птиц не трогай»... «Птиц» – это верующих. Они общались, и будут общаться. Как вот мы, Украина и Россия... нападают, а кто там - мы не знаем, это они говорят. Нам не надо знать! А птицы украинские с нашими родственниками как общались, верующие, так и общаются, их не рассекли. Так и это: рассек их, но птиц не трогал. Как они общались с народом Божьим, так и общаются. А птицы есть двух видов: птицы нечистые, духи нечистые, люди нечистые, а эти чистые. Тоже надо разбираться! Тоже по Библии полетай, пусть дух твой полетает. Из Ветхого Завета в Новый, из Нового в Ветхий. А как же вы хотите? А как же? Трудиться надо над Словом Божьим. Он нам не дал в развернутом виде, потому что «кому открою, кому закрою». Как в Евангелии написано: «Христос, почему Ты говоришь в притчах?» А Христос говорит: «В притчах, потому что им надо притчи, а вам Я буду явлен». И там дальше чуть-чуть объясняются эти притчи. «Вам – так, а им в притчах». И вот иногда среди верующих в притчах говорится пророчество... и Слово Божие - оно закрыто... а кому нужно, Он откроет, Он знает, когда открыть. Он знает, когда открыть праведнику. Знает! Ну что сделаешь? Ну, я, думаю, по-видимому, Бог тоже это делает... наверное избирает, кому что открыть и кому какой труд дать.

Я с человеком одним разговаривала, говорю: Вы знаете что? Вот взять наземный рост: вот карлик, он не может вырасти, ему даже название «карлик», у него даже вот лицо совсем не такое, прямо вот чувствуешь, что они не такие. А это ладно, он уже такой, он дальше не вырастет - так дано. А есть из таких небольшого роста... есть средненькие... а есть такие исполины, он

и не рад, он не хочет таким быть, а он вырос, ничего не сделаешь. Так вот духовно, братья и сестры, есть карлики: ну, пошел посидел, и то у него голова болит, придет в воскресенье, посидит и все, и что там Бог скажет через брата или через кого. А правильно тебе говорят? Проверь по Библии! А как ты проверишь, если Библию не знаешь? Я же Библию не знаю, я не могу проверить: правильно там проповедуют, или неправильно? А тем более сейчас: такой период Лаодикийский. Очень страшно слушать проповеди, если не вникнешь в Слово Божие! Это хорошо, что у вас тут вот рентген проходит. Пастор у вас такой мудрый, в Духе. Он все таки понимает все, и знает: где хорошо, где плохо. А в других вот таких нет: «Я завтра вот это прочитаю!» - отложил и все. Ну и что может человек получить? Он пришел получить, а он ничего не получит. Я говорю: «Ты вот, брат, прочитал, а я вот тоже дома читаю. А ты на кухне работаешь: так подай мне готовую пищу. Готовую! Ты на кухне работаешь!» Он говорит: «Как на кухне?» Я говорю: «Да, на кухне. Вы, проповедники, вы на кухне работаете, готовую пищу нам подавайте! А то чего ж ты мне сухое даешь? Я и дома их читаю, но мне нужно узнать точно, а оно закрыто!»

Как одному брату сказала: «Брат, а ты не знаешь: Библия продается, так хочется мне купить «Кому открою, кому закрою». Ну, если он знал бы Библию, он сразу сказал бы: «Ой, сестра, я ни разу не слышал о такой!» Ну, я поняла, что он... и я говорю: «Брат, я тебя не осуждаю, но вникните вы в Слово Божие. Вникните! Я такой сама не слышала. Но то, что в Евангелии написано: «кому открою, кому закрою» - вот это есть книга. И если с этого одного стишка точно небольшую книгу сделаешь - она и будет называться тогда книгой. Много можно говорить!»

«Вот и допророчествовалась, что пожар!»...«Прими огненное искушение!» А я ничего, стою на молитве и говорю: «Господи, Ты знаешь, как они на меня. Дай сил устоять! Дай сил!» Я думаю об искушениях: вот один пожар, чтобы остановиться, потому что уже нечистота, Бог привел - и все, хватит руки на чужое протягивать. А во второй раз - уже веру мою положил на весы. А я вот прямо повернула за угол, говорю: «Господи, оставь моих детей в живых и Библию». Больше ничего! Только все это. Только это все.

Для меня Слово Божие Небесное - ценно и дорого! Почему же я набрала здесь духовных книжечек? «Алефтина, вези оттуда!» «Вези-то» - хорошо, а как довезти? Вот вопрос! Я говорю им: «Я вам столько уже привезла оттуда! Куда же я набрала? Один экземпляр оставляю себе, а остальное своим детям, и «по водам раздаю»... в Сибирь теперь, в район, в Тамбов... а так зачем мне много набирать? Мне же не нужно там лишнее! Я люблю говорить с верующими, которые жаждущие, с очень жаждущими, которые действительно вникают в Слово Божье, есть что-то послушать. Это все в Евангелии написано. Это все написано! Потому что если ты праведник... праведник соединяется с праведником. Они делятся, и они, как бы, дополняют друг друга. А если ты соединяешься с человеком... как пять мудрых, пять немудрых: если он не мудрый, а ты, допустим, мудрый, праведник, что ты можешь от него? Ничего ты не возьмешь. И он от тебя не возьмет, потому что ему закрыто, ему не открыто. «Свиньям не бросайте жемчуг». Нельзя! Это золото Небесное, его нельзя раздавать. Бог раздает такое золото, которое примут и дальше понесут. И ты не можешь с таким плотским соединиться, не можешь, у тебя не будет разговора. Плотской с плотским пусть! Духовный с духовным! А с плотским невозможно соединиться, бесполезно. Даже время не надо терять.

А ищи: «Господи, дай мне святого человека, с которым я могла бы поговорить, напитать свою душу, дух оживить, чтобы дух живой был мой». Можно говорить и духовное, и такое... можно все говорить...

Как брат Володя говорил: «Мы с Алефтиной старенькие сюда приехали!» А я говорю: «Брат Володя, а я не старица». Все засмеялись. А я говорю: «Знаете что? Написано: «плоть каждый день тлеет, стареет». «Тлеть» и «стареть» - одно и то же. «А дух каждый день обновляется». «Дух стареет? - я говорю. - Поэтому я не старица». Надо знать нам Слово Божие! «Слово Божие – это меч». Как Христос сказал: «слова из уст идут, как меч». Слово Божие... Оно так касается души, духа... слово Божие. Потому что Слово Божие – это Христос. Я всем говорю: «Библия – это уста Христа. Извини, но как они шли, уста Христа, так они и будут идти. Кто праведник, мудрый – он примет. «Обличи мудрого – отблагодарит тебя; обличи нечестивца – врага наживешь себе», - так написано в Притчах. Все в Слове Божьем. Хорошо, когда мы будем знать Слово Божье! Как приятно послушать Слово Божье! Очень приятно! Очень хочется знать Слово Божье, это письмо с Неба пришло.

А сейчас Библии по-всякому... Часто разговаривают про Библии: «Американская Библия - у них так... у немцев так... у нас, в России так... и какой верить?» Я говорю: «Сестры, верьте той Библии, своей! Вот что у нас написано... Бог тебя не будет судить за американскую Библию. Он с них спросит. А с нас спросит за русскую, которая в твоих руках. Господи, вот Библия, она называется святой - вот этого я придерживалась. Но по немецкой Библии Он с нас не будет спрашивать, это им пояснение, там по-другому, на их языке, а у нас - с нашего языка будет спрашивать».

Еще как написано в Слове: «Говорите Мои чудеса! Говорите чудеса и знамения Мои» - ученикам Христос сказал, от Марка 16 глава. «Идите проповедовать Мое Слово с чудесами, со знамениями». И вот жизненный опыт, духовный опыт - вот «крест». Не то, что судить «крест», а говорить «крест». Если мы видим... но опять, за «крест» спасение дается. Но все равно написано, что «носите бремена друг друга». То есть как? Ну, молись, поддержи этого брата или сестру, тяжелый крест был, поддержи молитвой. Поддержи! Потому что это тоже написано в Слове Божьем; не суди, но поддержи. Поддержи его, и сестру там, пастора. Особенно пастора! «Поражу пастора, рассеются овцы». Если пастора какой-нибудь церкви сатана собьет – все, овцы в плену. Вот если взять страну какую: если президент взял и перешел, или в плен попал - вся страна будет служить другой стране. Так и в нашей церкви: если поразит... вот сейчас сколько церквей! Они же в плен вошли, в сеть уже к сатане, ну ладно там баптисты... я говорю, сестры, братья... ладно субботники... они все равно идут по своей ветке. Почему-то пятидесятники меняются. Субботники никуда не идут, вот идут по своей дороге - и весь разговор. Баптисты идут по своим... субботники по Моисеевским законам. Как они там? Но они идут по своей дороге! Не перейдут они к субботникам. Не перейдут они к пятидесятникам другим. Они своей дорогой идут. Баптисты Иоанново крещение приняли, тоже идут. Но пятидесятники как стрекозы: то туда, то сюда, то туда, то сюда. Ну, куда это годится?

Вы знаете: «Вот поезда... центр у нас в России – Москва! Все до Москвы, до Москвы поезда. Вот так и мы. Очень много вероисповеданий, и все идем ко Христу. И субботники все верят во Христа. И все идем ко Христу. А Небо разберет. Зачем мы трогаем друг друга? Совсем не такая дорога у субботы верить. У

нас есть дорога с баптистами - Иоанново крещение... а вам-то большую Драгоценность открыл, что ж вы меняете? Никакая вера, как только пятидесятники, на полном Евангелии!...»

Это как я Библию в православной церкви... захотелось мне купить полную православную Библию детям каким-нибудь своим... в епархии сижу, очередь заняла, а впереди меня молодая девушка, с кем-то она, не помню, разговаривала: «Я пришла, чтобы мне священник развод сделал с мужем». Ну, думаю, зачем - это не мой вопрос. Ну и вот она зашла, и еще две бабули сидели, приехали из района, и на своего батюшку: «Пьяница, такой, такой! Да что ж такое? Мы идем к пьянице! Вот пусть он разберется с ним. Что это такое?». Я говорю: «Бабули, я тоже бабуля, извините, пожалуйста, а можно к вам?» - потому что нельзя третьему человеку перебивать. «Можно, можно! Можно, раба Божья!» И я говорю: «Вы знаете что? А вы хоть раз молились за него? Вы же не молитесь. А вы его хулите, вы его проклинаете. Он еще больше будет пить, потому что его проклинают! А поставить другого, так он еще больше будет пить, еще неизвестно какой! Молитесь за этого! Молитесь... если Богу неуютно - Бог его удалит! А что вам человек поможет? Он такого же даст... Во-первых, вы виноваты в том, что вы деньги даете им. Вы даете деньги - поэтому он и падает в ваши эти...» И теперь мы стали, эти две бабули, и эта девушка молоденькая, и я - четверо, и выходит священник, забыла как они их называют, высоких этих чинов. Вышел - и ни на кого, а на меня руки сложил и говорит: «Ох, откуда ж это к нам матушка пришла?» Ну, я так даже не могу выразить... так сложил руки, я даже удивилась... «Откуда же к нам матушка пришла?» И больше ничего. Ни на них, а лично только на меня. А потом то ли эта молодая, то ли бабуля зашла, я не помню, и думаю: как? Как это

такое? Ну, я сразу думаю: это что-то не то. Ну, как «матушка»? Я не понимаю! Но там, в церкви православной, называют «матушка», у нас вроде таких нет, в нашей вере, в Библии нет матушки. Я не понимала, но знала, что что-то такое есть духовное.

И вдруг... я когда вот к сыну ездила, кажется в прошлом году, в Сибирь, и последние известия были. А я последние известия иногда смотрю, но не осуждаю никого: ни правую, ни левую стороны, я не знаю кто прав, кто виноват. Я только знаю, что мы все виновны перед Богом, и Бог попускает нас. И по телевизору женщина такая, может в годах не таких как вот я, она говорит, прямо открылось мне: «Вы знаете, как матушки называются?» Там кому-то вопрос, они там сидели, и она говорит: «Матушка – та, которая живет по Евангелию». Вот это ответ мне получился! А потому что мы живем, период сейчас Евангелия, жизнь Иисуса Христа. «Матушка, - говорит – та, которая живет по Евангелию». Я говорю: «Господи, ну надо же, где получила ответ!» Да, ну как я могу сказать, что нет? Я только могу сказать, как прямо Господь мне ответил. Но, главное, ни на кого: стоят их бабушки, из их церкви, а вот именно на меня руки сложил, и я даже так не сделаю: «Ой, откуда же это к нам пришла, матушка?» И больше он ничего... и они ничего... Я знаю, что это какой-то знак, что-то не такое, но не понимаю. И в Сибири только открылось. «Матушкой та называется, которая живет по Евангелию». Вот у нас рядом батюшка живет, Виктор, и его жена. Так какой там можно назвать ее матушкой? А матушка - истинно та, которая живет по Евангелию. И я думаю: ну надо же так открылось мне!

Вот только я не знаю, что такое «зонты»? Это наяву помню: только осенью глубокой, а может быть и зимой... как-то я

одна шла из церкви... и у меня ни зонта, ничего не было. Почти подхожу к подъезду... и вдруг появилась около меня женщина, то не было ни сзади, ни спереди – нигде, а вдруг: раз – и около меня женщина. И говорит: «Ой, как твой зонт радуется, ликует, аж прыгает!» «Ликует зонт, радуется и прыгает!» Я глянула на нее - а ее и нет. Ну, мне тут понятно, что это Ангел, а вот «зонт» - не понимаю. У меня лютеранские книжечки небольшие... и там я читала: кто-то там в какой-то стране лилипутов, кажется, был зонтом, но вот я не дочитала. «Зонтом»... А как это «зонтом» он был у них? Пока еще для меня закрыто. И он вот в этой стране был зонтом. А что значит «зонт» - до сих пор не знаю. А мне прямо говорит: «Как твой зонт ликует, радуется и прыгает!» Думаю: у меня зонта нет, а как же? И почему он радуется? Главное глянула - и нет человека - значит Ангел, наверное. Но до сих пор особо не понимаю, что такое «зонт». Я знаю, что это что-то доброе, только я не понимаю. Ну, зачем будет зонт прыгать, радоваться, и все прочее? Но что-то означает, я не понимаю, не хочу по-своему трактовать.

И таких проявлений, таких духовных, очень много! Но не с кем там поделиться. «Делитесь» – а с кем поделишься? Если поделишься, то розгу получишь. Лучше молчать! Не с кем... Нет таких душ, которые действительно бы радовались друг о друге, дополняли как-то, как евангелисты друг друга дополняли. Они же дополняют друг друга, некоторые слова даже повторяют, некоторые дополняются у них слова. А в моей церкви: пойдешь, посидишь - и все.

Все не опишешь, особенно о трудностях. Но что я только скажу: благодарю Господа, что Он нашел меня и ведет!

